СЕНТЯБРЬ 1926 г. № 35 ЦЕНА 15 КОП

СМЕХАЧ

КАЛЕКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Американский миллиардер Морган предпринял путешествие по Европе, имея в виду переговоры о предоставлении займов.

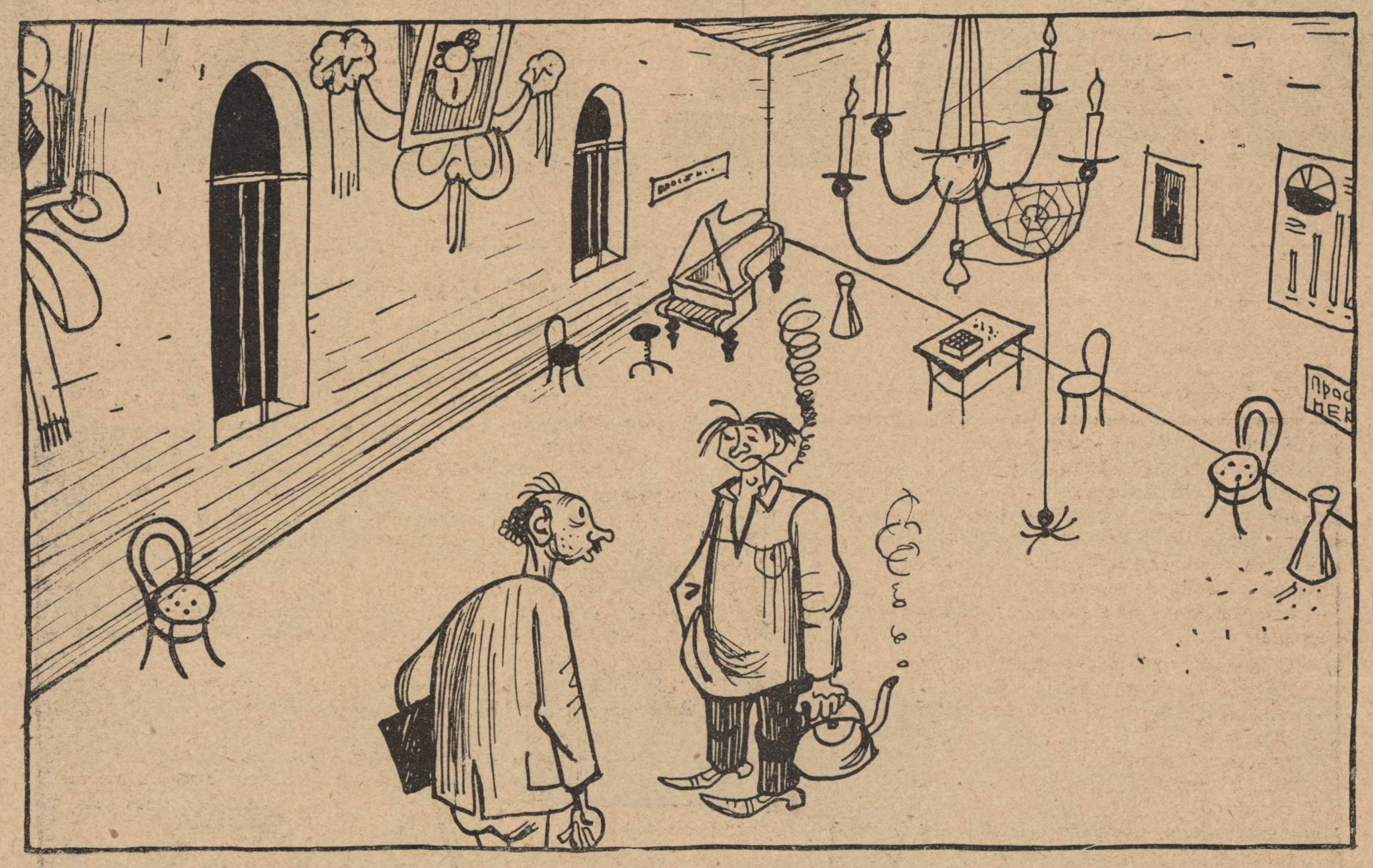
Рис. Б. Антоновского

— Морган идет... Смотрите, братцы, не проморганьте!..

КЛУБНАЯ РАБОТА

Рис. Б. Малаховского

— А наши клубники, видать, работают поденно...
— Да! От „дня кооперации“ ко „дню крестьянки“, а в остальное время спят!..

ГОСПОДИН БАРОН! ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!!

Ген. Врангель прибыл в Брюссель (Бельгия) и поступил на службу в качестве инженера в Горно-Промышл. О-во.

(Из газет).

Какой для страны урон!
Что смотрит правительство?
Господин барон!
Ваше Превосходительство!!

Ау, белый конь! Надежды и трон,
И легких „побед“ сочинительство...
Господин барон!
Ваше Превосходительство!!

Не стало белых ворон —
Драки... Кабак... Доносительство...
Господин барон!
Ваше Превосходительство!!

Под ногами — брюссельский перон,
Но где бы достать поручительство?
Господин барон!
Ваше Превосходительство!!

Вы — и „вождь“, вы — и спец, но что скажет патрон?
Не к лицу вам теперь совместительство.
Господин барон!
Ваше Превосходительство!!

Вы рыли нам яму со всех сторон —
В ней сами уселись на жительство...
Плохой вы горняк, господин барон!
Никудышный, Ваше Превосходительство!!

Александр Флит

МОСКОВСКОЕ

Анапестова вдруг заколодило в самом ответственном месте срочного стихотворения: ужом ускользнула рифма...

Тут бы надо походить из угла в угол, поймать ее на ходу, да поди пошагай, когда на 8 квадратных аршинах поместилось громадное хозяйство: день и ночь шумящий примус в одном углу и около него жена — стирает, стряпает, моет посуду; в другом — дырявый диван, большой, семейный; под окном стол, над которым протянуты бечевки и развешаны Мишины пеленки. И везде корзиночки, ящики, ведра, дрова, стулья... Большое хозяйство... На троих!

Ладно, что примостился под пеленками, как бедуин под шатром. Сиди, молчи и твори!

Еще хорошо, что на этой площади трое. У соседа, художника Хромова, двое детей и теща в придачу на ту же площадь.

Рисовать ему приходится, лежа на кровати.

Теснота в квартире из 14 комнат. 75 человек населяют ее, и уж кухня больше не кухня, а в ней живет курьер редакции с женой и семью ребятишками. В общем прижились и все распределили: и очереди в уборную, и сроки уборки коридоров, и моменты водоснабжения. Пятнадцать самостоятельных республик!

Работать немного неудобно в таких условиях, но Анапестов умеет пользоваться моментами передышки в хозяйстве: сейчас примус кончит работу, кашка Мише разогреется, Миша поест и заснет. Подождать минут двадцать можно...

Миша ел кашку, кричал, дрыгал ножками... Маруся переменила под ним пеленки, повесила мокрые над столом, прямо над начатым стихотворением, и стала баюкать Мишу.

Долго унылая колыбайка рассеивала мысли поэта...

Наконец, и Маруся и Миша заснули, уткнувшись в угол большого дырявого семейного дивана.

Благодатная тишина наступила... Теперь-то можно поработать!

Вдруг задребезжал звонок. Четко, отрывисто.

— Раз! Ко мне девять... Два! Это к Печенкину... Три! Нет, к Драпкину. Четыре... пять... шесть... семь .. восемь... Кто бы это мог быть? Девять...

Анапестов поднялся с места:

— Десять! Слава богу, не ко мне.

И он взялся за перо.

Звонок продолжал отрывисто дребезжать.

— Забавно!—подумал Анапестов,—75 человек считают звонки, вся квартира дружно отсчитывает. Что за чорт! Наверно, больше пятнадцати раз уже прозвонили...

Звонок трещал сухо и настойчиво.

Анапестов вышел в коридор. Ребятишки курьера кучей гомозились и прыгали, галдя:

— Кто-то звонит к нам...

— Пятнадцать раз уже было...

— Мы считали, может, сбились...

— Да, Петька, говорю тебе, что шишнадцать было!

В это время звонок снова задребезжал.

— Опять!

— Что это значит?—высунулся Драпкин из двери.

Снова звонок.

Из всех дверей стали появляться недоумевающие жильцы.

— Как это надо понимать?

— Я считал, это девятнадцатый!

— Надо открыть... Товарищ Куклин, откройте!

— А мне-то что! Ко мне четыре раза—и баста...

Звонок продолжал кого-то вызывать, четко, резко и настойчиво. Но никто не хотел итти открывать дверь, т. к. никак нельзя было установить, к кому он относится.

Коридор набился жильцами. Все считали и пререкались.

— Это седьмой после первых пятнадцати... К вам, Анна Захаровна!

— С какой стати! Это двадцать второй!

— Абсурд! Не может быть!

— Что вы спорите против очевидности?

— Восьмой!

— Двадцать третий!

— Какая чепуха!

— Девятый!

Дальняя дверь отворилась, и вышел маленький, щуплый Печенкин, к которому звонили два раза.

— Что это за трезвон? Спать не дают!—тоскливо захныкал он и отправился к парадной двери. Часть жильцов двинулась за ним. Мальчишки курьера запрыгали, как языки пламени.

Торжественно снял Печенкин крюк, отодвинул задвижку, повернул ключ, снял цепочку и покрутил кнопку французского замка.

Дверь открылась.

На лестнице, тыча неверным пальцем в звонок, стоял неизвестный пьяный, одной рукой держась за косяк двери.

— Вам кого?—набросился на него Печенкин.

— А... ч-ч-чорт его знает! Д-д-до-мой!—забормотал пьяный.

— Да вы откуда?

— Из п-пивной... З звоню к себе... Трин-над-цать раз... Нн-у, сбился и снова... Кажись, опять сбился... Что вы, черти, мешаете? Опять надо сначала... Р-раз!—И он снова надавил кнопку.

Но тут остервеневшие жильцы, у которых уши заболели от сорока хриплых звонков, бросились на пьяного и спустили его с лестницы.

Анапестов мог свободно отдаться творчеству.

Был час ночи, и московский день как будто кончился.

Гюинплэн

ТИХИЕ РАДОСТИ

— Почему у вашего директора столько дорогих мягких ковров в кабинете?

— Он у нас шума не выносит! Специально „под шумок" ковры эти и закуплены!

АЛЮМИНИЕВЫЙ ВЫХОД

В Америке выпущены в продажу переносные алюминиевые дома.

Воспеть решаюсь ныне я,
Растроганный весьма,
Дома из алюминия,—
Легчайшие дома!
Сегодня по проулочкам,
Ласкал блеском взгляд,
Подобные шкатулочкам,
Рядком они стоят.
А завтра—не потеха-ли?—
Инспекция... Эхма!!—
И в пригород поехали
Из города дома.
На плечи, по комплекции,
Строение взвалив,
Чеши от фининспекции
В какой-нибудь Разлив!
А ежли финразведчики
Проникнут и туда—
Вновь здание на плечики
И далее—айда!
Окольными дорогами,—
Знай, задувай вперед,—
Никто тебя налогами
Теперь не обкладет!
Повестки с четкой прописью
Злорадно не вручит
И беспощадной описью
Души не огорчит!
Ко всем чертям уныние,
Ликуй, душа... Эх ма!
Даешь из алюминия
Походные дома!!

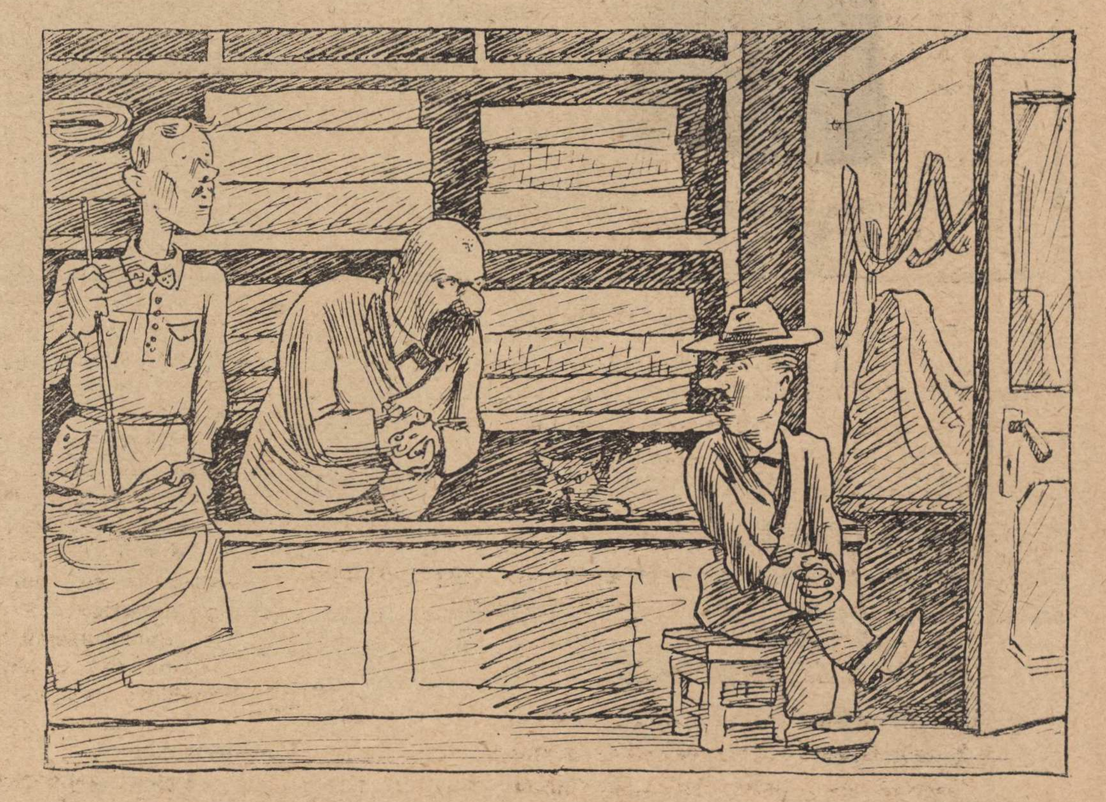
В. Князев.

ЛОВКИЕ ЛЮДИ

Целый ряд кооперативных организаций снижает цены лишь в тот момент, когда в магазине появляется инспектор Наркомторга.

(«Известия ВЦИК»).

Рис Н. Радлова

— Прикажете ситчику завернуть?
— Нет, я подожду пока завернет сюда инспектор.

ГОРЕ-СТРАТЕГИ

Рис. А. Радакова.

Белогвардейская пресса наполнена нелепыми сообщениями о боях в Ленинграде, о «взятии» Москвы и т. под. (Из газет)

Редактор: — Слушайте, голубчик... Завтра дадите телеграмму о взятии Киева, да не перепутайте, пожалуйста. А то написали нынче о Москве бог знает что: будто особенно пострадал Невский проспект... Путаете все, забывать стали, где что можно брать!..

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Сначала просвещенец подтянул живот, потом сам подтянулся—глянь, и зарплату подтягивают.

В СУДЕ

— Культяпин! В чем выразился ваш хулиганский поступок?

— А я в трамвае выразился, граждане судьи!

ФАКТИЧЕСКИЙ РЕБЕНОК

Вот так мальчик, ростом с пальчик!
Весь ушел в картуз. Смугл и тонок...
— „Эй, чертенок, чей ты карапуз?"
В щечках ямки: — „Я-то? Мамкин!" —
Голосок поет. — „Мамка, эва",
Тут, налево, спички продает!
— „Ну-с, а папка?"
Сдвинув шапку,
Кулачки—в порты, взгляд лукавый
Кинул вправо: — „Папка? Может, ты?"

Евг. Собельман.

ДИТЯ НЕРАЗУМНОЕ

— Скажи, папочка, сколько было штатов до открытия Америки?

— Никаких штатов там не было. С чего ты взял?

— А как же вчера дядя Коля, читая газету, сказал: „Эва, открыли Америку! Опять у нас сокращение штатов проводят".

СТАРАЯ ПОГУДКА

— А-а... тов. Иванов, опять мы с вами на этом производственном совещании встретились...

— И не говорите: как год прошел!..

ОЧЕРЕДНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Рис. В. Лебедева

— Тов. кассир! У меня до вас дело есть!
— Гм! А разве мое дело слушается после вашего?

У СЕМИ НЯНЕК

Рис. П. Р.

Наши спецы чрезмерно были стеснены в своих действиях всевозможными няньками. (Из статьи).

1. — Осторожней, товарищ, не споткнитесь!—предупреждали спеца, следя за каждым его шагом.

2. — Позвольте, товарищ, мы выравняем вам линейку... Вы, кажется, не точно установили...

3. — Р-ради бо.. т ва]ищ, не повредите пальчика и машины...

4. И оставалось спецу одно, — придти домой и сказать: — Няня! хоцу молоцка!..

РАДИО-ВОПЛЬ С ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ.

Алло! Алло! Алло!

Говорит несчастный сын прекрасной Франции, Франк Французский на волне Эйфелевой радио-башни, всем, всем, всем, желающим выслушать грустную повесть его жизни.

Месье и Медам, Лорды, Милорды, Лэди, Милэди, Мистеры, Миссис и Мисс, Герры, Фрау, Фрейлейн и Фрекен всех стран и всех полушарий.

Внемлите, внемлите, внемлите!

Пять премьеров, пять продувных седовласых бестий в сюртуках и цилиндрах, двадцать два министра финансов, двадцать два бандита в безукоризненных пальто и перчатках лечили меня от водянки. 194 комиссии парламентских врачей-болтунов ставили тщетно компрессы...

Шесть тысяч чудесных рецептов напечатаны были в газетах и пали в помойную яму...

30 миллионов людей каждодневно пугались при виде моего отощавшего, но распухшего тела...

30 миллионов людей поминали мамашу мою, прекрасную Францию, и крыли моих докторов... Холеные руки министров ставили меня на подпорки, но не успевал пройдоха-министр получить доверие Палаты, как я падал снова, увлекая с собой министерские кресла, карьеры, портфели и прочее, прочее, прочее...

Жадные взоры друзей и знакомых и бедной мамаши вперялись в заморские дали, но слепли глаза в ожидании и ждали у моря погоды.., Проклятый дядя Сам Вашингтонович Янки, чтоб ему подавиться долларом на этом и на том „полусвете“,—этот скряга в полосатых штанах и в звездном цилиндре, и в ус не дует, по причине свеже-выбритых щек... Он посылает советы, один злее другого. Он издевается над бедной мамашей, время от времени посылая в помощь моим докторам, своих эскулапов-врачей: Мелона, Моргана и прочих роскошных особ 1-го класса.

Особы приходят, качают в такт головами и снова уходят, а я подыхаю...

Месье и Медам, Лорды, Милорды, Лэди, Милэди, Сэры и Перры, Геры и Фрау, Мистеры, Миссис и Мисс, Фрейлейн и Фрекен всех стран и всех полушарий. Молю вас. Доколе?..

Караул!.. Помогите!..

На этом месте монолог Франка Французского прерывается в виду падения оратора.

А. Македонский.

ПЬЯНЫЕ МЕЧТЫ

— Позвольте, почему? Почему трезвому все можно, а пьяному нельзя? Ни по улице пройтись, ни по трамваю проехаться.. Окон разных, как на зло, в магазинах понаделали, фонарей новых понаставили, а того не понимают, что долго ли стекло камнем разбить и фонарь новый попортить.

От этого пьяному гражданину вместо удовольствия — одно огорчение, товарищу судье беспокойство и никакого режима экономии. Фонари старые повыдергали... А зачем?

Точно мы сами без них не сумели бы. Теперь ходи на манер беспризорного и прислониться не к чему. К новому прислонишься, а он и падает. Фонаря порядочного для пьяного сделать не умеют...

Ежели я пьяный выражаться начну или стекло разобью, или там бабу какую побью,—меня сейчас в милицию тащат и к хулиганскому сословию причисляют... А я чем виноват, что из меня из пьяного драка лезет и тогда мне нехороших слов удержать в себе никак нельзя.

Трезвые, говорите, обижаются? А мне трезвых не надо, они сами ко мне лезут. Изолируйте меня от них, вот они и не будут обижаться и мне будет хорошо.

Почему, — извините за мой вопрос,— никто в наше положение не вникнет и какого-нибудь убежища не устроют, на манер «Народного дома для пьяных» и чтобы трезвым туда вход был строго воспрещен?

Назвать его можно: «Пьяный рай», и в этом «рае» пьяному народонаселению всякий аттракцион предоставь, чтобы ему было где душу отвести.

Прежде всего ты мне из фанеры милиционера вырежь и раскрась его под натуру, чтобы я мог с ним разговаривать, а он бы стоял и слушал и разными своими свистками мне не мешал.

Потом бабу фальшивую устрой, небьющуюся, чтобы я за недорогую цену мог ее колотить почем зря, а барышня кассирша пущай сидит и визжит для сходства. За визг и приплатить можно—не жаль.

Вместо тира, где разных зайцев в движение производят— старых рам по саду расставь: все равно их разобью, а мне удовольствие. Фонари старые по аллейкам в землю врой, чтобы я беспрепятственно их мог выдергивать, по 40 коп. за штуку.

Я их вечером выдерну, а днем пускай их опять на место ставят. Кассе доход от этого, а мне приятно. И чтобы специальный трамвай ходил по пьяному маршруту. А то, скажите пожалуйста, и в трамвай сесть нельзя.

Как это так нельзя? Трезвому можно, а пьяному нельзя?.. Позвольте, почему? Кому трамвай нужнее: трезвому или пьяному? Трезвый и так дойдет, без трамвая, а вот ты, пьяный, попробуй домой попасть—тогда и узнаешь...

Эх, граждане, граждане. Ежели вы сами пьете, так должны понять, сколь это обидно. Как тут не выпить с горя?

Желаете, товарищ? Зайдемте!

Нур

КОВЕРКОТ

Мадам Перепупчик получила из Парижа
Пять метров коверкота... но что за коверкот!
При взгляде на него чуть не сделалась грыжа
От натуги и злости у младшей Компот.

Младшая Компот — одиночка-кустарка —
Не осилила пошлины, и поэтому всех
Уверяла настойчиво, страстно и жарко,
Что посылки „оттуда“ — буржуйство и грех.

Но можно ль снести, что мадам Перепупчик,
Выкупив посылку, нарядилась в коверкот?
И если б ее муж был трестишишка иль купчик,
А не такой же одиночка, как и ее обормот!

— „В чем дело? Почему они купаются в валюте,
А нас вечно описывают фин и управдом, —
И мы вносим им только к последней минуте,
Когда судисполнитель уже стучит молотком?

В чем дело?“ И Компот, прищурясь косыми
Глазами, ответил: „Ты, Берточка, идьот!
Дело в том, что я — уже побывал в Нарыме,
А Перепупчик еще только туда попадет“.

Скиталец

ХОДКИЙ ТОВАР

Рис. Б. Малаховского.

— Что это здесь—выдача какая, что народу столько собралось?
— Пока выдачи нет! Только требуем.
— А какой выдачи требуете?
— Выдачи проворовавшегося правления.

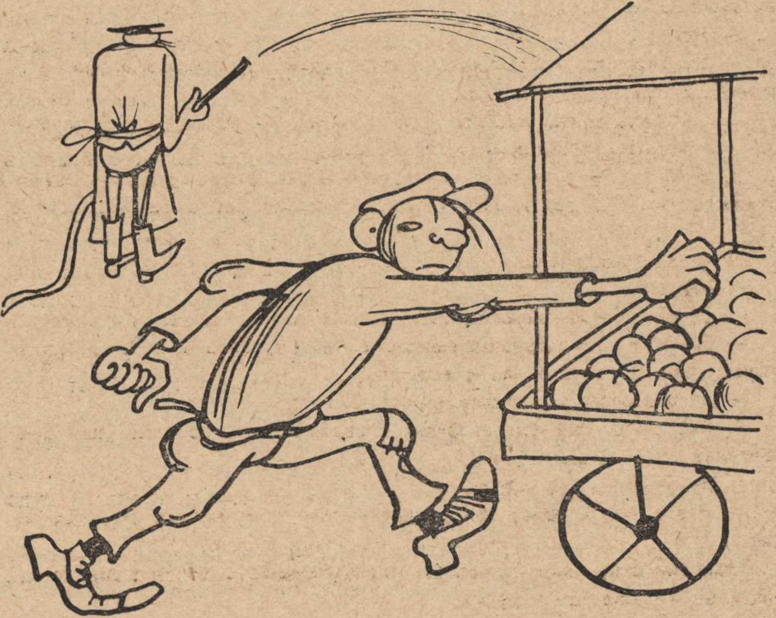
ИТОГИ НАГЛЯДНОГО КИНО-ОБУЧЕНИЯ.

Рис. Б. Малаховского

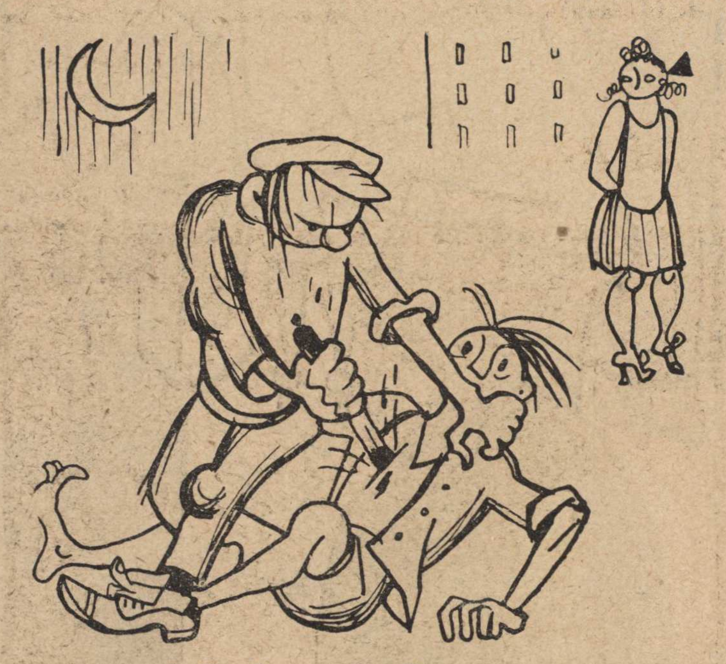
Три подростка совершили кражу из квартиры, выдавив окно с помощью липкой бумаги. На допросе выяснилось, что этому способу они научились *через кино* («Кр. Газ.»).

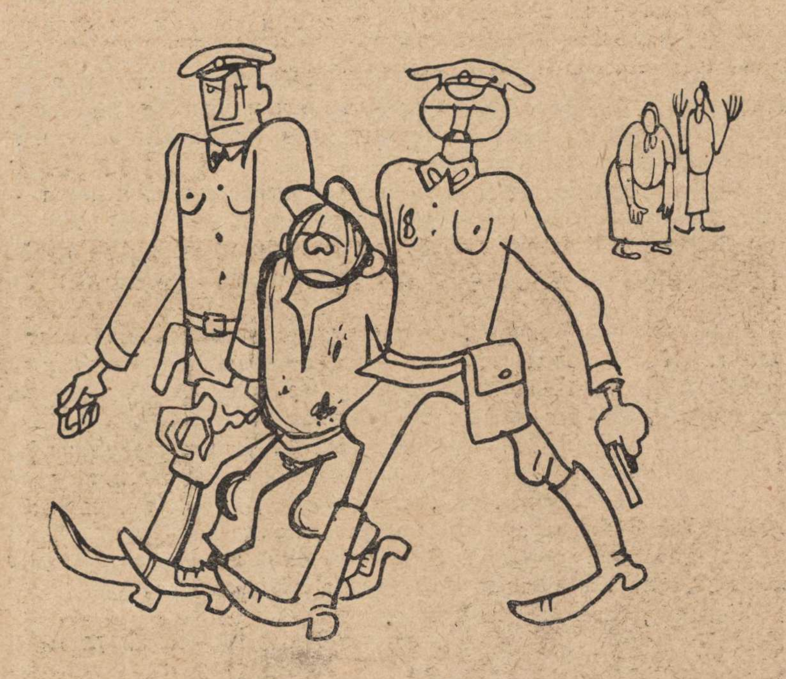
1. По Гарри Пилю.

2. По Дугласу Фербенксу.

3. По Рудольфу Валентино.

4. По... наряду Угрозыска.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Дальновидность

В купэ вагона сидели двое—толстый и тонкий. Всем, начиная с костюма, шикарного на толстом и потрепанного на тонком, они резко отличались друг от друга—не меньше, чем откормленная свинья—от цыпленка, раздавленного телегой.

Толстый курил дорогую папиросу, держа ее пухлыми пальцами.

Стряхивая с папиросы пепел прямо на пол, толстый деликатно оттопыривал мизинец, украшенный брильянтом.

Тонкий исподлобья н блюдал за ним и ненавидел.

— Ишь, жиру сколько нагулял!—размышлял тонкий:—выходился на нэпе! Хотел бы я поглядеть, каким ты был в двадцатом году! А теперь ма-ка-мурло поперек себя!.. Небось, в тресте каком-нибудь воруешь! Вот я не ворую, так у меня и кольца с брильянтом нету.

Толстый докурил папироску и щелчком сбросил на пол.

— Так!—злобно отметил про себя тонкий.- Для вас, стало-быть, и закон не писан! Вали прямо на пол, чего там утруждаться пепельницей! Ну, обожди!

И тонкий, стараясь сделать это незаметно, подтолкнул окурок на середину.

— Обожди! Придет контроль, оштрафует. С паршивой овцы хоть шерсти клок!

Немного погодя толстый зевнул, полез в карман и, вынув серебряный портсигар, снова закурил.

И опять—докуренная папироса полетела на пол.

— Прекрасно! Теперь уже два окурка!—злорадс вовал тонкий:—два заметней, чем один! Может, ты и еще набросаешь? Вали! Семь бед—один ответ!

И как будто желая угодить тонкому, толстый курил папиросу за папиросой, швыряя окурки по всему купэ.

Наконец, явился контроль.

Тонкий затаил дыхание, ожидая возмездия для этого ненавистного наглеца.

— Кто сорил?—сухо спросил железнодорожник.

— Я некурящий!—поспешил ехидно отмежеваться тонкий.

Железнодорожник обратился к толстому:

— Значит, это вы, гражданин?

Тот пожал плечами.

— Почему же я?

— А кто же? В купэ накурено—видать дым. А на полу окурки...

— Ну да. Я курил—спокойно согласился толстый.—Только эти окурки не мои.

Он нагнулся и поднял один окурок.

— Вы посмотрите, какие это папиросы. Видите марку? «Девиз». Ну и смотрите, какие курю я.

Из бокового кармана он извлек помятую коробку «Пушка», 20 штук—10 копеек.

— Я курю пролетарские.

Железнодорожник хмыкнул и, приложив руку к козырьку, сказал примирительно:

— Виноват!

— Пожалуйста,—снисходительно бросил толстый.

— Ловко!—свирепея от неудачи, сказал тонкий, когда они остались наедине.—Откуда у вас эти папиросы? Неужели вы...

— Ну а как же? Я их всегда имею при себе на всякий случай. Вы знаете правило каждого хозяйственника: старайся не делать лишних расходов. А что же такое штраф, как не лишний, бесцельный расход?

Близорукость.

— Маша! Вот скандал!..

— В чем дело?

Ерыжкин протянул жене месячный железнодорожный билет.

— Видишь? Билет действителен включительно по 27-е сентября, а у нас нынче 19-е...

— Ну?

— Ну, выходит, что мы рано с дачи вернулись. Нужно было до 27-го прождать, пока билет кончится...

— Так ведь дожди пошли... Кто ж теперь на даче живет? Все съехали—и Петровы, и Хацкин, и Флиткинды...

— Может, у них билеты кончились в обрез, а ведь тут целая неделя осталась.. Что ж я зря за месяц платил, если недоездил целых восьми дней!

Ерыжкин надел пальто.

— Ты куда?

— Пойду узнаю—может быть, в кассе вернут четверть стоимости.

— Вот черти!—озадаченно говорил Ерыжкин, придя обратно,—не возвращают денег. Не знаю, что и делать!

— Да брось ты этот билет, ей-богу! Порви.

— Что ты! С ума сошла! Стану я рвать билет, который еще действителен до 27-го сентября!

— Ну, продай кому-нибудь.

— Разве что, в самом деле, предложить кому-нибудь из ездящих туда...

Ерыжкин отправился на вокзал. Вернулся назад часа через три—усталый, злой и с билетом в руках.

— Идиоты! Ослы! Никто не берет. Покупают, дураки, разовые! Пять поездов караулил—и даром!

— Господи! Дался тебе этот билет! Да брось ты его! Охота страдать!

— Ну, нет, милая! Я билета не брошу. Не такое время, чтобы деньги псу под хвост бросать! Я еще и завтра попробую.

Наступило завтра. Ерыжкин, придя со службы, наскоро пообедал и побежал на вокзал.

Было 11 часов 35 мин. вечера, когда он вернулся домой.

— Ну что?—встретила его жена.

— А чорт их раздери! Никто не взял. Ну и шут с ними! Сам отъезжу...

— Как так отъездишь?!

— А так. Я сейчас с поезда: съездил в Дачную и обратно. И завтра поеду, и послезавтра—не пропадать же билету!..

С этого дня Ерыжкин регулярно ездил туда и назад.

С каждым днем число поездов сокращали, в виду окончания дачного сезона, и Ерыжкину приходилось по несколько часов дрогнуть на опустевшей дачной платформе, ожидая обратного поезда.

Иногда во всем вагоне он оказывался единственным пассажиром; и только мысль, что 27-е число близится, скрашивала эти унылые поездки.

Двадцать седьмого числа он отправился в последний раз.

— Господи!—вздыхала жена,—смотри, какая погода! Добрый хозяин собаки не выгонит, а ты едешь на дачу! Останься.

— Не могу. В билете написано: по 27-е **включительно**. Отчего ж не проехаться за свои деньги!

Вернулся Ерыжкин только на другой день.

Жена, не сомкнувшая глаз всю ночь, с плачем кинулась навстречу.

— Что с тобой случилось? Ты жив? Тебя не переехал поезд?

— Нет. Но чорт знает, как это вышло. Я сел, по ошибке, в поезд на Мурино. Пришлось заплатить три рубля штрафу.

— Ну, бог с ними, с деньгами! Спасибо, что хоть цел!—радостно сказала жена.

— И главное—билет до конца использовал!—сказал самодовольно Ерыжкин.

Глупо? Невероятно?

Ну, не скажите! На свете разные дураки бывают. И не такие еще!

Ив. Прутков.

СЛОВО И ДЕЛО.

Рис. Н. Радлова

— Товарищи! Дело, за которое я примусь сейчас,— *горячее* дело. Вначале придется, может-быть, *обжечься*, но его *заварили* другие, и я берусь его *расхлебать!*— заявил новый зав.

И, как видите, действительно берется за дело, честно выполняя свое обещание.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ПОЭТ В МИЛИЦЕЙСКОЙ ФОРМЕ

В глуши Союза, в одном селении было издано нижеследующее постановление:

Я замначальника милиции, рассмотрев настоящую переписку по обвинению гр. Охременки Ивана в краже 5 штук павлиных яиц у гр. Субботина К. во время сидения на яйцах павы, которая считалась наседкой, утрачивая свои силы для того, чтобы приобрести свое семейство, вокруг которого она бы получила радостное ликование и материнские от детей ласки. Но «увы», как быстро обрушились ее мечты в слезы и обиды, а именно налетел хищник на ее теплое гнездо гр. Охременко, который нанес для птицы оскорбление, разорив гнездо—очаг павы и забрав из-под нее яйца которая осталась с болью и слезами на человека-хищника гр. Охременко.

Принимая во внимание, что гр. Охременко сделал преступление в обиде бессловесной птицы, разорив ее гнездо очаг а именно кражу 5 штук яиц павы, принимая во внимание, что гр. Охременко сделал зло в хищении таковых, к которому применяется 180 статья Уголовного Кодекса,

ПОСТАНОВИЛ:

Гр. Охременко отпустить под расписку до суда, а протокол направить народному судье 2-го участка на распоряжение.

Зам. нач. милиции (подпись).

(«Кр. Т.»)

Этакий лирический талант и пропадает в павлиньих перьях!

СПРАВОЧКА

Предъявитель сего учитель Агитского завода и волости Виталий Ионович Онуфриев действительно умер 31 января сего года, в чем и удостоверяется.

Зав. Агитским участком лекпом (подпись и печать).

(«Кр. Т.»)

Покойник, должно быть, взял удостоверение, представил куда следует и живет себе припеваючи: что с покойника возьмешь!

ВЛИВАНИЕ ГОССПИРТА В...

Президиум ВСНХ решил ликвидировать трест Госспирта в виду убыточности и влить его в Моссельпром.

Рис. Б. А.

...Моссельпром.

ЧТО ЧИТАЕТ НАРКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ?

По должности всякую дрянь читает, как например, такое послание заведующего Гомельским Губзу в Наркомат Земледелия.

Полная хозяйственная разруха, почти полная продукционная импотенция хозяйственных сил страны и катастрофически внезапный переход всех видов с. х. продукции с рыночного назначения на чисто продовольственный при значительном сокращении продуцирующих элементов общей с. х. структуры народно-хозяйственного аппарата, поставили советскую власть на путь немедленного возрождения всей производственной мощи сельского хозяйства.

Кстати, о с. хозяйстве: заведующий, как видно из письма, вполне годится на... удобрение наших необъятных полей, однако по „производственной линии" он использован не был. Не ценим мы наших работников!

АФИШКА НА ЯТЬ

Афиша, выпущенная рабочим клубом города Ижевска:

Спешите все. СЕГОДНЯ Спешите все.
ШЕДЕВР
Сегодня Гвоздь сезона
КИНО ПРОИЗВОДСТВА КИНО
„ОТДЫХ"
демонстрируется долгожданная
Картина Боевик
С участием знаменитого артиста
БАРТЕЛЬМЕСА
НАПАДЕНИЕ НА ВИРГИНЬСКУЮ
ПОЧТУ.
...В картине нет идеологии и безвредно-воспитательного влияния на массы.

Откуда же быть идеологии в картине, когда ее нет и в голове завклуба?!

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Некий гражданин Е. Е. в газете „Рабочий Край" вносит конкретное предложение:

Лицам, страдающим запорами, рекомендую нарпитовские обеды в Иванове. Незаменимо в качестве слабительного средства.

Слабит легко и нежно!

Чего проще? Переименовать Нарпит в Медторг—пускай обеды по рецептам врачей отпускает!

А столовки—по-боку! Можно и в сухомятку! Мы—люди привычные!

СВИНЬЯ С ПЕРЦЕМ

Привез Госторг в Харьков бэкон (так называется экспортная свинина, обработанная по особому способу). Всучил Госторг бэкон всем кооперативам. Пустили рекламу. Все честь-честью. Однако, комиссия ткнулась носом в свининку и запротоколила:

Мясо подозрительное. Для маскировки обильно натерто душистым перцем. В пищу не годится.

Так и не попробовали харьковцы бэкона. Свезли бэкон на свалку. И поделом! Не гримируй свиньи. Не свинское это дело.

А в общем—ничего. История с перчиком.

РЕКОРД БЫСТРОТЫ

Рекорд быстроты, впрочем канцелярской, был побит в глухом углу Сибири в Чулыме. Рекорд был побит еще в прошлом году, но о нем только теперь сообщает «Сов. Сибирь»:

Дело было так. В средине июня прошлого года в реке Чулым тонул некий гражданин, которого нужно было спасти. РИК занялся этим вопросом,—застучала пишущая машинка:

«Чулымский РИК. Стол общий. 17 июня 1925 года, № 4780 П. о. Чулымское Экстренное. Романовскому сельпредседателю».

И дальше:

«Предлагается немедленно оказать помощь утопающему в реке Чулым гражданину. ПредРИК. За секретаря такие то».

Передают, что сельсовет немедленно предложил сельскому исполнителю потребовать от утопающего удостоверения о взносе сельхозналога, но утопающий до срока опустился на дно.

ЗЛОВОНИЕ И БОРЬБА С НИМ.

Смотритель базара в Артемовске подал горместхозу такой

РАПОРТ:

Прошу вашего распоряжения огородить лавку на нижнем базаре городских весов колючей проволокой, в виду сильного зловонья от проходящих граждан. В некоторых некоретностей оправляются под стенку по просьбе и заявле ию того же весовщика.

Иванов.

На рапорте—резолюция:

Тов. Петрову. Сообщите, есть ли проволока. Выписать ордер.

Еще ниже ответная резолюция Петрова:

Проволока есть, но тонкая. Зловоние не задержится.

(«Кр. Т.»)

Может быть, пулеметы поставить на площади, лицом к покупателям?!

НЕ В СЛУЖБУ, А В ДРУЖБУ

Рис. А. Радакова

-- Скандал! Нашего кассира и вдруг изобразили таскающим деньги из кассы.
Что ж тут такого? Это просто дружеский шарж...

„АНДЕЛ"

Число абортов за последнее время в Ленинграде равно числу вновь заключаемых браков.

По небу полуночи андел летел
И тихо скулил и пыхтел:
Мотался миляга в досаде большой
С еще нерожденной душой.
Он душу младую, как водится, нес
Для мира печали и слез:
Но как ее сплавить? Кому и куда?—
Ах, с душами нынче беда!
И андел вздыхает: „Диявол тя ешь,
Кого бы... поймать хоть на плешь?..
Которую ночь я мотаюсь подряд,
А люди... рожать не хотят.
Проклятая доля, собачье житье—
По году таскаешь дитё...
Ужели ж теперь мне придется (мерси!)
Рожать самому на Руси?!

Альми

ЛОЖНАЯ ТЕОРИЯ

Какой-то зав, гунявый старикан,
Попав нечаянно к амуру в злые
вершu,
Решил с курьершей „выпить свой
стакан",
Не испросив на то согласия курьерши.
Бесплодная мечта! Неблагодарный
труд!
Был старичок избит и назван был
коростой...
И с дрожью приводя в порядок свой
хомут,
Он шамкал в зеркало:
— „Напрасно люди врут,
Что сей „стакан" испить столь
просто!.."

А. Р.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В «Уральском Рабочем» читаем:

Гастроли московского клоуна Комаро привлекли, несмотря на отвратительную погоду, значительное количество публики.

Однако, надо прямо сказать, Комаро обманул ожидания зрителей, даже наполовину не оправдав широковещательной рекламы с ссылкой на отзывы тов. Луначарского.

Здесь необходимо отметить, что этот отзыв тов. Луначарского — большого и чуткого художественного критика — относился к тому периоду, когда Комаро работал со своим партнером Кольпети и когда, по всей вероятности, их номер резко отличался от того, что мы видели сейчас в цирке.

Как и подобает клоуну, он **жонглирует** старым отзывом о себе, как новым: ловкость рук!

Не о нем-ли сказано:

«Комаро носа не подточит»!..

* * *

В «Красной Газете» было помещено описание вечера, посвященного воспоминаниям об умершем художнике Васнецове:

Слушая 70-летнего воспоминателя общей с его братом юности, сама собой внезапно пришла на ум аналогия.

Выходит так, что воспоминателя слушала аналогия, а не тот, кто писал заметку о вечере.

А с аналогии—взятки гладки: ей позволительно писать неграмотно.

Не специалистка аналогия по русскому языку!

* * *

С. Борисов в июльском номере журнала «Красная Нива» пожелал щегольнуть знанием грузинского языка.

И вот что из этого вышло.

Строки известной грузинской песни:

Швило Зураб, садамди?
Вайме, дэда, гавтавди!..
Вайме швило Зурабо!..
— Сын мой Зураб, до каких пор
ты замурован?
— Горе мне, мама, я уже совсем...
— Горе мне, сын мой Зураб!

Он переводит так:

— Как ты себя чувствуешь, сынок?
— Хорошо, маменька!..

«Заря Востока» правильно замечает по этому поводу:

«Борисова бы начать замуровывать в стену,—то-то ему сладко показалось бы!»

Мы же не так жестокосердны, как «Заря Востока». Замуровывать автора—это слишком. Нужно, чтобы «Красная Нива» не печатала таких переводов, а хорошенько замуровывала бы их в редакционной корзине.

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 21084. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3700. Тираж 80.000.

ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

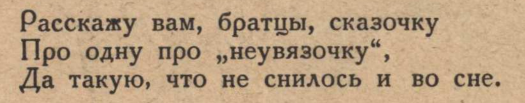

В наших мероприятиях по благоустройству города нет строго, всесторонне обдуманного плана; отсюда — неразбериха и путаница, вызывающие много лишней непроизводительной работы.

(Из статьи).

Текст В. Воинова

Рисунки Б. Антоновского

Расскажу вам, братцы, сказочку
Про одну про „неувязочку“,
Да такую, что не снилось и во сне.

1.

Дело было в Ленинграде, по весне.
Шел по улице Варваринской
Мужичок Касьян Камаринский.
Шел и думал про соху и про навоз,
А навстречу—Ленинградский
Откомхоз
(Что в Москве МКАХ'ою кличется)
Ах, ты, мать моя, владычица!
Говорит тогда Касьяну Откомхоз:
— Брось ты думать про соху
и про навоз,
Да глядеть на подоконники,
Поступай ко мне в сезонники!
— А за коим?
— Погоди-ка, не ворчи!
Дам страховку и хозяйские харчи.
Поддержи цивилизацию—
Проведи канализацию!
— Ладно,—думает Касьяша мужичок.
Получил себе в задаток пятачок;
Взял лопату, прет, сутулится;
Встала сразу дыбом улица;
Ноги—тумбы, ну, а руки, что дубы.
Докопался он до фановой трубы.
И, конечно, для вдыхания
Распустил благоухания.
Словом, во как Откомхозу удружил:
В две недели все каналы проложил
И (хоть трудно одному лицу)
Перекрыл торцами улицу.

2.

Только вылез из прокисших
из порток,
А навстречу—гражданин Электроток
(Что в Москве МОГЭС'ом кличется)
Ах, ты, мать моя, владычица!
Говорит ему тогда Электроток:
— Погоди-ка вылезать ты из порток,
Да глядеть на подоконники,
Поступай ко мне в сезонники!
— А за коим?
— Понимаю! Не ворчи!
Дам страховку и хозяйские харчи,
И в придачу книжку Бабеля...
Рой канаву мне для кабеля!
— Ладно,—думает Касьяша мужичок.
Получил опять в задаток пятачок;
Взял лопату, прет, сутулится;
Встала снова дыбом улица.
И Касьян Электротоку удружил:
В две недели новый кабель проложил
И (хоть трудно одному лицу)
Вновь накрыл торцами улицу.

3.

Глядь (работа до добра не доведет!)
Управленье телефонами бредет
(И в Москве не хуже кличется)
Ах, ты, мать моя, владычица!
Говорит оно медовым голоском:
— Брось, Касьяша, мне подмигивать
глазком
Да глядеть на подоконники,
Поступай ко мне в сезонники.
— А за коим?
— Погоди-ка, не ворчи!
Дам страховку и хозяйские харчи,
А к харчам стаканчик водочки.
Рой канаву для проводочки.
— Ладно,—думает Касьяша мужичок.
Получил опять в задаток пятачок,
Взял лопату, прет, сутулится;
Встала снова дыбом улица.
И Касьяша телефону удружил:
В две недели всю проводку уложил
И (хоть трудно одному лицу)
В третий раз покрыл всю улицу.

4.

Встал Касьяша, огляделся, как герой,
А навстречу—сам товарищ
Волховстрой
(На Москве—никак не кличется)
Ах ты, мать моя, владычица!
И к Касьяну, ореолом осиян.
—Знаю, знаю,—перебил его Касьян,—
Брось глядеть на подоконники?
Поступай к тебе в сезонники?
Топнешь ножкой, дескать, слушай,
не ворчи?
Дашь страховку и хозяйские харчи?
Посулишь еще прибавочку?
И заставишь рыть канавочку?
И еще раз наш упорный мужичок,
Получив от Волховстроя пятачок,
Над лопатою сутулится;
Встала снова дыбом улица.
И, конечно, Волховстрою удружил—
В две недели все, что надо, проложил
И, хоть дождик стал накрапывать—
Ничего не стал закапывать,
А подумал: хоть и скучно под дождем,
Но, пожалуй, мы с торцами подождем:
Учреждений—страсть насовано,
А ничто не согласовано!
Не успеешь отсобачить все торцы,
Снова явятся строители-творцы
Вроде с метрополитенами;
И опять копай под стенами!

И доселе, хоть и осень на дворе,
Наш Касьян сидит на мусорной горе
И вблизи трубы и кабеля
На цыгарки крутит Бабеля.